

СОВЕТСКИЙ ВЕК

**Николай
Палибин**

ЗАПИСКИ АДВОКАТА

**ОРГАНИЗАЦИЯ
СОВЕТСКОГО СУДА В 20-30 ГОДЫ**

Москва
издательство
РОДИНА
2022

УДК 82-94
ББК 85.374
П 14

Палибин Н. В.

- П 14** Записки адвоката. Организация советского суда в 20-30 годы / Н.В. Палибин. – М.: Родина, 2022. – 272 с. – (Советский век).

ISBN 978-5-00180-630-1

До Октябрьской революции автор трудился адвокатом в Москве. В Первую мировую войну — поручик 2-й Гренадерской артиллерийской бригады. В августе 1918 года вступил в Добровольческую армию. Затем в СССР вынужден был жить по подложным документам, на имя Лопатина. С 1923 года — член коллегии защитников Кубанской области. В 1935 — «вычищен» и лишен возможности работать адвокатом.

Проработав адвокатом 13 лет и еще несколько лет юрисконсультom, автор видел все недостатки советского суда и мог сравнить его с тем, что было до революции. Как и другие современники и сегодняшние исследователи, Палибин отмечал две самые острые проблемы советского суда 1920–30-х гг. — массовое взяточничество и политизированность, растущую и ставшую почти вездесущей в 1930-е гг.

**УДК 82-94
ББК 85.374**

ISBN 978-5-00180-630-1

© Палибин Н. А., 2022
© ООО «Издательство Родина»,
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Первые встречи	6
Глава 2. Облик судебных работников	14
Глава 3. Другие типы	26
Глава 4. Последствия советского бессудия	36
Глава 5. Еще из времен НЭПа	42
Глава 6. Уголовный кодекс 1926 года. Общая часть	48
Глава 7. Уголовный кодекс 1926 года. Особенная часть	68
Глава 8. Гражданский кодекс 1922 года	91
Глава 9. Земельный кодекс 1922 года	118
Глава 10. Кодекс законов о труде 1922 года	123
Глава 11. Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 года	142
Глава 12. Работа адвокатов	155
Глава 13. Несколько случаев в конце НЭПа	162
Глава 14. Еще картинки революционной законности в деревне	172
Глава 15. Расправы	179
Глава 16. Высылка. Расширение прав народных судов. Судьи-гастролеры	186
Глава 17. Дела о ямах	197
Глава 18. Кубань гибнет	208
Глава 19. «Слом кулацкого саботажа»	214
Глава 20. Еще одно дело	235
Глава 21. Голод 1933 года. Людоедство	239
Глава 22. Мой самый высший гонорар	249
Глава 23. Беглец из ссылки. «Черные амбары»	255
Глава 24. Моя работа в городе	262

ГЛАВА 1. ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Записки мои охватывают период с 1920 по 1935 годы. Местами я касаюсь и более позднего времени. В течение тринадцати лет я был тогда членом коллегии защитников в Кубанской области на Северном Кавказе, а остальное время — юрисконсультom различных хозяйственных организаций области. И поскольку вся судебная система и практика Советского Союза остались без изменений, я полагаю, что записки мои не будут лишены интереса, тем более что и на оккупированных территориях Восточной Европы вводится точно такая же система, будь то венгерский народный суд, польский военный трибунал или румынский верховный суд — от советского судопроизводства они существенно не отличаются, так как ссылок на буржуазные законодательства и на законы «свергнутых народом» правительств советская власть не допустит никогда. С уверенностью можно сказать, что если в оккупированных коммунистами государствах местная армия перестраивается по советскому образцу, хозяйственная система ставится на социалистические рельсы, политическая полиция напоминает советское НКВД, то советские кодексы просто переводятся на местный язык; и таким образом вводятся испытанные уже при строительстве социализма в СССР судебная система и практика.

Я не участвовал в громких столичных процессах. Я знал о них только из газет. Но вся структура этих процессов, а главное — «подкладка» были мне известны. Я же видел, как преломляется советское законодательство в «низовке», т.е. в нашей обездоленной несчастной деревне, и ей, главным образом, посвящаются эти строки. Насколь-

ко позволяли силы и знания, я защищал людей, имевших несчастье попасть под колеса советского «правосудия». Перед моими глазами проходил «страшный суд» — перестройка деревни на социалистических началах; и мне, как защитнику, хотелось временами умереть вместе с моими клиентами.

Впервые юридическую «помощь» я оказал в 1920 году. В глухую станицу Старо-Джерелиевскую тайно ночью пришел отряд частей особого назначения (ЧОН) в количестве пятнадцати человек. Наутро председатель столичного Совета, бывший клоун бродячего цирка «Рыжий», алкоголик, созвал на площади митинг. С дощатой наскоро сколоченной трибуны он, охрипшим пьяным голосом, ораторствовал о власти Советов, о воле народа и о врагах нового строя, затем стал называть некоторые фамилии по списку и спрашивал собравшихся: «Хороший это человек? Кто «за», подымите руку». В списке он делал отметки тем, за кого было подано много голосов.

Присутствующие не подозревали, что они выносят смертный приговор. Наоборот, после речи председателя, говорившего о врагах революции, им казалось, что чем больше они подымут рук, тем сильнее будет защита подозреваемого. Они голосовали за честных порядочных людей, домовитых хозяев, тружеников-хлеборобов.

Через час после наступления темноты люди, получившие подавляющее большинство голосов, со связанными руками были заперты в сарае при станичном управлении. Я был в это время заведующим детским домом в этой станице. Я слышал, как ночью в отдельной хате, где помещалась наша кухня, кухарки и уборщицы, «красноармейские вдовушки», гуляли с бойцами ЧОНа и распевали пьяные песни. А в предрассветных сумерках двадцать один мужчина и четыре женщины были выведены за станицу и порублены шашками.

Наутро ко мне в детский дом привезли фуру «пожертвованной» для детей, мужскую и женскую одежду, и сложили в кладовой. Вскоре явилось и несколько чоновцев, под тем предлогом, что хотели проверить, как содержатся дети. К этому времени весть об убийстве двадцати пяти человек уже облетела станицу, и дети смотрели на толпу вооруженных чоновцев, как испуганные овечки. Начальник чоновцев, выше среднего роста, широкий, черный как уголь, с волосами, растущими из носа и ушей, слепой на один глаз и со шрамом на лице, спросил меня: «Одежду получил?» Я ответил, что получил. Несколько мгновений длилось молчание. Вдруг один мальчуган сказал:

— Дядечка, а на одежде-то кровь...

— Молчи, дурак, это глина, а не кровь, — ответил чоновец. — Пошли, товарищи!

И группа повалила на кухню опохмеляться.

Как адвокат по профессии, чем я мог помочь этим несчастным людям, схваченным злодеями, брошенным в сарай и затем казненным? Вся моя юридическая помощь выразилась в том, что я по тайной просьбе родственников ночью, за несколько часов до казни, просунул в сарай несколько листов писчей бумаги и карандаш, чтобы осужденные написали прошения, хотя и не было ясно, кому. И эта передача была самым рискованным предприятием за всю мою адвокатскую работу.

Я вспоминал в эту ночь дело об убийстве великого князя Сергея Александровича. Его убийцу, Каляева, в царском суде в сенате защищали публично два присяжных поверенных — Тесленко и Жданов. В порыве красноречия Тесленко, высокий красивый адвокат с наружностью русского боярина с картины Маковского, воскликнул: «Довольно лить кровь на весы правосудия, господа сенаторы!» Речи защитников длились не один час и были затем изданы отдельной брошюрой...

Я же не смел написать даже простого прошения. И кому писать, когда самогон решил уже все. Не знаю, что написали осужденные. Может быть, последнее «прости» жене, матери или детям. Может быть, они ждали рассвета в темном сарае, чтоб написать утром самому «товарищу Ленину», и провели ночь в мучительной тоске и думках.

И вот пролетарское правосудие свершилось. С гармошкой и песнями чоновцы, лежа на подводах, уехали из станицы, гоня перед собой несколько голов крестьянского скота и овец. Это было «конфискованное» имущество казненных. Когда обоз проходил по станице, один из чоновцев, любивший играть на «скрипочке», остановил фуры и зашел к местному учителю, у которого была скрипка. Тот не хотел ни отдать, ни продать ее. Тогда любитель музыки убил из револьвера учителя и взял его скрипку. Обоз пошел еще веселее, с гармошкой, песнями и скрипкой.

Начиная свою повесть о советской судебной системе, я думаю, что не сделал ошибки, описав картину революционного суда. К сожалению, советское «правосудие» и сегодня остается точно таким, каким было вначале.

С начальником описанного мною отряда я встретился позднее в 1925 году, когда я был уже членом коллегии защитников — в эпоху расцвета НЭПа. Я был гражданским истцом от имени троих детей, а он — обвиняемым, подозреваемым в убийстве их матери. Дело слушалось в станице Петровской под председательством народного судьи Разумова. Обстоятельства дела были таковы. ЧОН был ликвидирован, но бойцы ЧОНа были разбросаны по станицам. Функции их никому не были известны, но чоновцы даже имели винтовки. В 1923 году в станице был украден у кого-то мешок пшеницы. Подозрение пало на одну вдову, мать троих детей. Поймав в степи дочку этой вдовы, бывший начальник чоновцев стал ее допрашивать. Та не соз-

налась. Чоновец стал бить ее кнутом, но признания так и не получил. Тогда он связал ее ноги возжами и опустил в степной колодец вниз головой, затем извлек ее оттуда, посиневшую, с рубцами от кнута на теле, и тут уже девочка «чистосердечно» призналась в краже и указала на мать. Сев на фуру, чоновец погнал в станицу и подъехал к хате подозреваемой. Та сидела на завалинке. Чоновец вскинул винтовку и выстрелил. Пуля попала в печень, и в страшных мучениях женщина на заходе солнца умерла. Две девочки, бывших дома, от ужаса спрятались в русской печи и закрылись заслонкой. Убийца произвел обыск в хате, но никаких следов кражи не обнаружил. Он добрался и до русской печи, вытащил оттуда обезумевших девочек, при допросе порвал на них одежду, вырвал часть волос, и девочки «сознались».

Это преступление было совершено не в эпоху военного коммунизма, а при НЭПе, но судебное расследование не начинали два года, так как обвиняемый был связан с ГПУ. По той же причине я и проиграл это дело. Как же суд вышел из положения?

В Уголовном кодексе РСФСР* есть статья 8-я, согласно которой суд может признать обвиняемого виновным, но наказанию не подвергать:

«Если конкретное действие, являющееся в момент совершения его... преступлением, к моменту расследования его или рассмотрения в суде потеряло характер общественно опасного вследствие ли изменения уголовного закона или в силу одного факта изменившейся социально-политической обстановки, или если лицо, его совершившее, по мнению суда к указанному моменту не может быть

* Здесь и далее мы ссылаемся на кодексы с изменениями на 1 октября 1934 года, изданные Государственным издательством «Советское законодательство» (Москва, 1934).